

РАНЕННЫЙ ЦЕЛИТЕЛЬ*

РОЛЛО МЭЙ

Как выразился однажды Кьеркегор, «бесконечности невозможно достичь иначе, как только через отчаяние». В данном малоизвестном комментарии Ролло Мэй вспоминает некоторых великих исторических персонажей и выдающихся психотерапевтов – целителей и творцов, – находившихся в бедственном положении и сумевших с честью из него выйти.

Сегодня я собираюсь поговорить с вами о том, что очень близко моим собственным размышлениям – в глубине души я думал об этом много лет и особенно в период, когда два года был прикован к постели. Я был болен туберкулезом и находился на лечении высоко в горах Адирондака, пока не появились лекарства от этой болезни. Все пережитое сконцентрировано в нескольких идеях, которыми я хочу сейчас поделиться с вами.

В частности, эти идеи начали приходить мне в голову, когда в Нью-Йорке я проводил собеседования со студентами – кандидатами на прохождение обучения в области аналитической психотерапии. Я был членом комиссии, курировавшей две группы, и проводил интервью в этих группах. Я спрашивал себя: «Как формируется хороший психотерапевт? Какие конкретные качества личности позволят предположить, что перед нами человек, который сумеет действительно помогать другим людям в довольно длительном процессе психоанализа?» Для меня было абсолютно ясно, что это не приспособление (adjustment) – не адаптация, которую мы с таким восторгом и наивностью обсуждали во времена моего обучения в аспирантуре. Я понимал, что хорошо приспособленный человек, входящий и сидящий сейчас передо мной для прохождения собеседования, не сможет стать хорошим психотерапевтом. Приспособление как раз и есть невроз, в этом все дело. Ибо это ни что иное, как приспособление к небытию с целью сохранить небольшую частичку бытия. Обсуждение приспособления часто запутывается в вопросе – приспособление к чему? Приспособление к психотическому миру, в котором мы, без сомнения, живем? Приспособле-

---

* Перевод выполнен по изданию: *Rollo May. The Wounded Healer. In: Existential Psychology / Ed. by C. Wilson. New York: Houghton Mifflin, 1994.*

ние к фаустовско-бесчувственному обществу? И тогда я взглянул шире и стал понимать, что двое величайших психотерапевтов, которых я когда-либо знал, были плохо приспособленными людьми.

Одним из них был Гарри Стэк Салливен, единственный психиатр из родившихся в Америке, который смог внести вклад в создание новой системы, достаточно мощной, чтобы повлиять не только на психиатрию, но и на психологию, социологию и множество других областей знания. Салливен, один из моих учителей, – мы все его глубоко уважаем – был алкоголиком и имел латентные гомосексуальные контакты. Однажды он сделал предложение Кларе Томпсон, но проснувшись рано утром на следующий день после обильной выпивки, взял свои слова назад. Он совершенно не мог находиться в группе более чем из двух-трех человек. Профессор Отто Кляйнберг из Колумбийского университета рассказывает историю о своем участии в форуме Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) – в ассоциации психического здоровья, которую Салливен помогал основывать. Эта ассоциация проводила встречу в Париже, после которой Кляйнберг увидел Салливена, угрюмо сидевшего в углу. Отто подошел и спросил, в чем дело. Салливен ответил: «Всегда одно и то же – я постоянно у всех вызываю враждебные чувства». На что Кляйнберг возразил: «Но ты не вызываешь враждебных чувств у *меня*». Салливен сказал: «Ах, ты, я не переживаю из-за тебя – ты не в счет». Вероятно, в юности Салливен пару лет болел шизофренией, но – мне не следует говорить «но» – *и* он достиг глубокого понимания того, что происходит в душе страдающего человека. Он определяет психические проблемы как то, что возникает и разрешается в межличностных отношениях.

Другой великий психотерапевт, которого я знал и под чьим руководством работал, была Фрида Фромм-Райхман. Она была прототипом психиатра в книге и одноименном фильме «Я никогда не обещала тебе сада роз». В кинокартине ее сыграла Мими Андерсон. Фрида была человеком, производившем самое неблагоприятное впечатление. Ее рост был 4 фута 10 дюймов (147 см. – *М.Л.*), с людьми она чувствовала себя неловко. Некоторое время она была замужем за Эрихом Фроммом, – отсюда Фромм в ее фамилии – и тогда же в Нью-Йорке между психологами и психиатрами ходила злая шутка, что настоящее название первой книги Фромма было «Бегство от Фриды»¹. Однажды она возглавляла комиссию, проводившую презентацию в Американской психиатрической ассоциации, – сообществе, членом которого я являюсь. Мы уже заняли свои места, когда Фрида Фромм-Райхман стала подниматься по ступеням в президиум и во всю длину распласталась перед нами на сцене. Я говорю лишь то, что говорю, и не вкладываю в свои слова особого значения. Эта женщина, всегда имевшая проблемы во взаимоотношениях с людьми, испытала удивительное прозрение, как вы, должно быть, знаете, если видели фильм или читали книгу. В действительности она умерла от одиночества. Бубер, когда был в Америке, приезжал повидаться с ней. Они были старыми друзьями, и он

¹ Имеется в виду книга Э.Фромма «Бегство от свободы» (Escape from Freedom). – *Прим. ред.*

описывает ее как человека, исполненного чувства безнадежного одиночества.

Теперь позвольте мне привести вам третий пример – Аби Маслоу. Он не был психотерапевтом, но одним из великих психологов. У Маслоу было несчастное детство. Он происходил из иммигрантской семьи, жившей в трущобах; боялся отца и был далек от матери. В Нью-Йорке иммигранты живут в гетто, и Аби бывал бит окрестными итальянскими и ирландскими мальчишками (он был евреем). Было очень тягостно, и, тем не менее, человек, перенесший такой ужасный опыт, ввел в психологию систему высших человеческих переживаний.

Любопытно, что каждый из перечисленных людей был велик именно в своем самом слабом месте. Трудно представить, что Гарри Стэк Салливен, который никогда не мог наладить отношения с другими, создал систему психиатрии как интерперсональной биологии; а Аби, испытавший адские минуты в своей жизни и сумевший уравновесить их, – если здесь возможно использовать технический термин – ...создал затем противоположную этому концепцию высших переживаний и роста человеческого потенциала.

Я хочу предложить вам теорию – это теория раненого целителя. Я предполагаю, что мы исцеляем других с помощью наших собственных ран. Психологи, становящиеся психотерапевтами или психиатрами, поскольку это происходит, должны, подобно младенцам и детям, стать терапевтами прежде всего для своих собственных семей. Это довольно хорошо установлено многочисленными исследованиями. Я предлагаю развить эту идею дальше и предполагаю, что понимание, приходящее к нам через наше личное страдание и личные проблемы, приводит нас к развитию эмпатии и творческих способностей в отношениях с людьми – и к состраданию...

В Англии, в Кембриджском университете, было проведено исследование гениальных людей – великих писателей, великих художников и т.п. – выяснилось, что 18 из 47 были госпитализированы в психиатрические больницы, и либо проводился курс лечения литием, либо назначался электрошок². Все без исключения исследуемые были широко известными людьми. Гендель – его музыка рождалась из великого страдания. Байрон – можно было бы подумать, что он писал обо всем, *кроме* страдания, однако у него был маниакально-депрессивный психоз. Анна Секстон, которая, полагаю, позже совершила самоубийство, также страдала маниакально-депрессивным психозом. Вирджиния Вульф, я точно *знаю*, покончила с собой, страдая от депрессии. У Роберта Лоуэлла, американского поэта, также был маниакально-депрессивный психоз. Итак, я хочу подчеркнуть, что есть некоторые глубоко позитивные стороны перечисленных расстройств. Эта исследовательница изучала людей с маниакально-депрессивным психозом, но существуют и другие болезни. Я хочу расширить свою предыдущую формулировку, добавив, что есть позитивные стороны во всех болезнях, во всех без исключения заболеваниях – психичес-

² Подробнее см. Jamison K. Touched by Fire: Manic-Depressive Illness and the Artistic Temperament. N.Y.: Free Press, 1993.

ких или физических. Можно сказать, что страдание необходимо для того, чтобы показать нам путь в глубины, из которых появляется творчество.

Джером Каган, профессор Гарвардского университета, провел длительное и тщательное исследование человеческого творчества и вывел заключение, что главная способность художника, то, что он называет «творческой свободой», не присуща человеку-творцу от рождения. Возможна некоторая предрасположенность, однако творчество само по себе не является врожденным качеством. «Путь творчества, – пишет Каган, – проходит через боль взрослого одиночества, через устранение физического недостатка».

Женщина, пережившая концентрационный лагерь, – она прошла через Аушвитц (Освенцим – *М.Л.*) – также провела исследование в Сейбрукском университете. Она опрашивала тех, кто выжил в немецких лагерях смерти и, странным образом, в ответах опрошенных обнаружилось много общего. Легко было предположить, что бывшие заключенные, испытав предел возможного для человека кошмара, окажутся сломленными людьми. Я вспоминаю одного из моих нью-йоркских пациентов, с которым я проводил психоаналитическую терапию, – он был бывшим заключенным концлагеря. Когда я узнал, где он побывал, то подумал: «Как только человек сумел выжить в подобных условиях?» Но он не только выжил – он обладал повышенной продуктивностью и творческим потенциалом. Исследование доктора Эджер из Сейбрукского института показало, что люди, пережившие в прошлом бедственные события, могли и действительно, как оказывалось впоследствии, действовали как обычные люди и даже были способны действовать более эффективно по сравнению с обычными людьми. Описываемые механизмы совладания могли предотвратить потенциально опасные последствия пагубного опыта, но они же могли преобразовать этот опыт в переживания, становящиеся основой будущего роста. Исследователь резюмирует: «Те заключенные, у которых было несчастное, одинокое детство, могли лучше приспособиться к условиям концлагеря, тогда как многие из тех, кто был воспитан богатыми любящими родителями, умирали одними из первых».

Я много размышлял обо всем этом, как и мои коллеги из Сейбрукского института. Вывод из этих размышлений таков: многие выдающиеся личности сформировались благодаря трагическим ситуациям раннего детства. Исследования детства выдающихся людей зримо показывают – эти люди не получили ничего из того, что, как предполагается, должен получить растущий в нашей культуре ребенок. И, тем не менее, несмотря на или же, наоборот, благодаря подобным условиям, эти дети не только выжили, но и, неся в себе травматический, заслуживающий одного сожаления детский опыт, смогли достичь высочайших успехов.

В Беркли было проведено еще одно лонгитюдное исследование развития человека. Группа психологов отслеживала выбранных людей от рождения до 30 лет: 166 мужчин и женщин под наблюдением достигли взрослого возраста, и поразительно, насколько предположения исследователей не совпали с действительностью. Ошибка составляла две трети от всех

случаев, главным образом, из-за того, что было переоценено разрушительное влияние ранних детских трудностей. Психологи также не смогли предвидеть – следующее замечание будет интересно для всех нас – не сумели предсказать негативное влияние ничем не омраченного и успешного детства: низкое значение на условной шкале проблем и стресса не побуждало к развитию психологической силы и компетенции.

Британский врач Джером Пикеринг написал книгу «Творческая болезнь» с подзаголовком «Болезнь в жизни и умах Чарльза Дарвина, Флоренции Найтингейл, Мэри Бейкер Эдди, Зигмунда Фрейда, Марселя Пруста и Элизабет Баретт Броунинг». Эти люди вошли в книгу, но можно было бы добавить еще имена Моцарта, Шопена, Бетховена. Все эти писатели и музыканты были больны, подчеркивает автор, каждый из них страдал от жестокого заболевания и преобразовал его в творчество, внося вклад в нашу культуру. Пикеринг говорит о своем собственном бедренном артрите как о «союзнике», который «укладывает в постель, когда боль становится мучительной». Лежа в кровати, Пикеринг не мог присутствовать на встречах своего комитета, не мог лечить пациентов и принимать посетителей. Он заключает: «Это идеальные условия для творческой работы – свобода от визитов без приглашения, свобода от обычных рутинных домашних обязанностей».

Теперь у вас накопилось достаточно вопросов обо всем сказанном, и у меня самого, конечно, было и остается много вопросов. Отто Ранк, фактически, написал целую книгу об этом – «Искусство и художник»... В работе Ранка преодоление невроза и создание произведения искусства синонимичны.

Я пытаюсь подвергнуть сомнению само понимание здоровья в нашей культуре. Мы оберегаем людей в повседневной жизни, поскольку считаем, что человек живет сравнительно небольшое время. Мы всячески стараемся изобрести способы, продлевающие жизнь, словно смерть и болезнь – наши последние враги. Т.С.Эллиот в своих «Четырех квартетах» написал:

*Болезнь – наше единственное здоровье.
И если мы прислушаемся к голосу смерти,
Чья постоянная забота не в том, чтобы угодить,
Но напоминать о нашем и адамовом грехе
И вести к душевному преображению,
Усиливая телесное страдание.*

Это страшно значимо – если суметь уловить. Когда Эллиот пишет «наш и адамов грех», он ссылается на истину, что мы все, в конце концов, дети мифологического Адама. Произнесенное слово неблагозвучно – *первородный грех*, а сердцевина идеи: жизнь – это не вопрос продолжительности жизни. Проблема не в том, сколько дней еще приплюсовать. Многие предпочли бы умереть, когда нет больше дел. Но строфа Эллиота несет в себе другое послание... болезнь, страдание означают совсем не то, что большинство людей нашей фаустовской цивилизации привыкли приписы-

вать им.

Из отчуждения болезнь может стать связующим звеном между нами и другими людьми на новом и более глубоком уровне. Это заметно в сострадании. Творчество – это одно из проявлений верных взаимоотношений между земным и бесконечным внутри нас. Мы можем увидеть еще один дар, который, безусловно, был у Фромм-Райхман, у Аби Маслоу и у Гарри Стэка Салливена – дар сострадания, способность сочувствовать другим, умение понимать их проблемы – вот качества настоящего психотерапевта. Я надеюсь, что опыт вырождения и хаоса непродолжителен, он же зачастую может быть использован на пути изменения, преобразования нас самих, восхождения на более высокий уровень. Как говорил К.-Г.Юнг: «Боги возвращаются в наших болезнях».

Перевод М.Ю.Локтаева